

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ЖИТЕНЕВ
доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук филологического факультета
Воронежский государственный университет (Воронеж, Российская Федерация)
superbia@mail.ru

МИФ О К. Н. БАТЮШКОВЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1970-х – 2000-х ГОДОВ*

Рубеж XX–XXI веков в русской поэзии – период активного пересмотра параметров поэтического текста, при этом в дискуссиях о поэзии важную роль имеет взаимодействие с литературным канон. Разделенность русской литературы XX века на советскую и эмигрантскую, подцензурную и неподцензурную обусловила появление целого ряда альтернативных прочтений классики. Восприятие К. Батюшкова является одним из самых показательных примеров такого рода. В статье исследуются варианты взаимодействия поэтов 1970–х – 2000-х годов с батюшковским мифом. Обобщая наблюдения, можно отметить несколько общих принципов рецепции творчества К. Батюшкова в русской поэзии: неразделимость биографических свидетельств о поэте и его текстов; опосредованность восприятия творчества К. Батюшкова актуальным для современного поэта кругом литературных ассоциаций; включение батюшковского мотивного ряда в собственный эстетический код. Установлено, что в рецепции творчества К. Батюшкова существуют четыре продуктивные линии: Батюшков оказывается первообразом поэта как такового, рассматривается как «пограничная» фигура, посредник между земным и запредельным; в некоторых контекстах он интерпретируется как поэт-«путешественник»; с его «пограничностью» соотносятся также мотивы смертности и «реинкарнации» поэтического слова. В новейшей поэтологии «русский Гельдерлин», таким образом, становится важной фигурой, не только и не столько культурным мифом о «поэте-безумце», сколько значимостью феномена «другого канона».

Ключевые слова: К. Батюшков, современная русская поэзия, художественная рецепция, литературный канон, поэтология, миф

Для цитирования: Житенев А. А. Миф о К. Н. Батюшкове в русской поэзии 1970–х – 2000-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.384

ВВЕДЕНИЕ

В русской поэзии 1970-х – 2000-х годов проблема взаимодействия с литературным канон – одна из наиболее сложных. Разделенность русской литературы XX века на советскую и эмигрантскую, подцензурную и неподцензурную обусловила появление целого ряда альтернативных прочтений классики. Начиная с рубежа 1980–1990-х центробежные процессы в литературном поле принимают необратимый характер, и «взаимосвязь разных ценностных построений» в нем предстает как «множество неупорядоченных <...> позиций» [3: 59–60]. Канон перестает быть «твердым», подвергается переоценке и переоформлению [9: 25]. В то же время стремление писателя к самолегитимации в условиях кризиса ценностей делает неизбежной апелляцию к классике как набору эталонов, определяющих «правильность литературной коммуникации» [5: 9]. Стремление к деидеологизации канона определяет появление многочисленных «личных» прочтений, в которых «многозначность классических текстов позволяет актуализировать их “боковые” смыслы» [11: 79]. Фигуры из литературного канона оказываются вовлечены

в разнонаправленные процессы «антитетического дополнения», «движения к персонализованному контр-возвышенному» и др. [1: 18]. Интерпретация поэтических фигур рубежа XVIII–XIX веков в этой связи представляет особый интерес, поскольку осуществляется в режиме «редактирующего» чтения, преодолевающего одни культурные стереотипы ради закрепления других. Восприятие К. Батюшкова в русской поэзии 1970-х – 2000-х годов является одним из самых показательных примеров такого рода, отчетливо выявляющих взаимосвязь процессов «канонизации» с герменевтическим горизонтом эпохи.

В рецепции К. Батюшкова в литературе конца прошлого века можно отчетливо выделить два полюса. С одной стороны, он воспринимается как архаическая фигура, почти вытесненная из литературного сознания более поздними авторами. К. Кобрин пишет в этой связи о его заслоненности А. Пушкиным: «В год своего двухсотлетнего юбилея наш герой уже окончательно перешел из категории звезд в категорию спутников»¹. В Шубинский отмечает его вытесненность О. Мандельштамом:

«Я помню, как <...> один из моих друзей недоуменно спрашивал меня: “Вот ты говоришь – почитай Батюшкова, он повлиял на Мандельштама... Но зачем мне какой-то древний Батюшков, если есть Мандельштам?”»²

С другой стороны, для авторов, представляющих неподцензурную литературу, К. Батюшков кажется фигурой, недостаточно освоенной официозом и потому ценной, представляющей «другой канон». О личностном «переоткрытии» Батюшкова пишет В. Шаламов:

«Только взрослым мне удалось <...> понять его удивительную допушкинскую власть над словом – более свободную, чем у Пушкина, более необузданную, хранящую самые неожиданные открытия»³.

Своей историософичностью К. Батюшков оказался дорог В. Кривулину:

«Батюшков сжигает свою библиотеку <...> и эта первая его – предромантическая! – любовь к истории <...> которая ничем никогда не кончается <...> Но когда язык проваливается в бездну – слаще этого нет ничего»⁴.

Между полюсами отчуждения и пристрастного чтения пролегает большое поле, образованное примерами рецепции, зависимой от литературных и биографических стереотипов. Оно предполагает апологетическое, но «отредактированное» прочтение. Самая показательная здесь фигура – А. Кушнер, который в эссе о поэте прямо говорит о перспективности редукции его лирики к отдельным формулам:

«Некоторые строки Батюшкова, утопающие в его длинных стиховых периодах, хочется вытащить и спасти от забвения. Кажется, дойди он до нас в чужих текстах разобранным на цитаты <...> мы в своем воображении представили бы себе ни с чем не сравнимые, гениальные стихи»⁵.

В общих чертах логика художественной рецепции К. Батюшкова в XX веке уже описана исследователями, и наша работа имеет своей целью дополнить картину. В дальнейших рассуждениях особенно важны будут для нас три наблюдения.

В. Кошелев, характеризуя восприятие поэта в XX веке, отмечает интерес к скрытому драматизму лирического переживания:

«Оказалось, что знаменитая гармония была чревата внутренней дисгармонией, тревогой и душевной неустроенностью, неприкаянностью, а “осязательная нега наслаждения” стала знаком грядущей беды» [7: 17].

Исследователи батюшковского интертекста в поэзии XX века указывают на его синтетический характер. Н. Богомолов, комментируя стихотворение О. Мандельштама, замечает: «Батюшков у Мандельштама, как нам представляется, не только реальный Батюшков, но и не только обобщенный образ поэта, а имя, содержащее рефлексы самых различных творческих систем» [2: 107]. Та же логика синтеза разных контекстов выявлена А. Сергеевой-Клятис у М. Цветаевой: «Итак, центральный образ цветаевского текста многослоен <...> это Байрон, Чайльд-Гарольд,

Батюшков, Пушкин, Одиссей, братья Эфрон» [14: 36].

Важным является также наблюдение М. Пономаревой, отметившей первичность литературного мифа в рецепции К. Батюшкова и его выстраивание вокруг нескольких образных доминант:

«Ядром... культурного мифа о поэте становится факт его безумия. В анализируемых нами текстах можно выделить <...> мотивы, отсылающие к творчеству Батюшкова <...> мотивы, отсылающие к факту участия поэта в войне <...> мотив безумия» [10: 268].

Принимая во внимание три указанных факта: прочтение батюшковской поэзии сквозь призму категорий неклассического сознания, внимание к архетипу «безумного поэта», опосредованность восприятия множеством различных литературных отсылок, – необходимо отметить линии рецепции, ускользнувшие от внимания исследователей. Во-первых, одним из константных мотивов поэзии 1970-х – 2000-х годов является такое восприятие поэзии Батюшкова, когда она обретает способность представлять за всю поэзию сразу, а образ Батюшкова оказывается первообразом поэта как такового. В стихотворении А. Белякова фамилия поэта актуализирует мотив наследования:

Безумный Батюшков и Матушков-Саями
Плечами ватными мне небо заслоняли.
Плутая пальцами в лесу лилейных риз,
Я слушал Батюшкова, Матушкова грыз⁶.

В тексте А. Метелькова Батюшков и Пушкин – архетипические фигуры поэзии:

неспроста набивают подушки пером
сон и пушкин и батюшков
но не вырубишь из себя топором
прораставших сквозь сон стихов⁷.

Универсализация образа поэта связана с переживанием уязвимости привычного жизненного строя в контексте традиции, в которой поэзия выступает способом ощутить связь с хаотической основой мира.

В стихотворении Ю. Немировской имя Батюшкова появляется в контексте размышлений о хрупкости человеческих связей:

Вот, милый Батюшков,
Прожили жизнь без натуги
Нынче смерть друга – напоминанье о друге⁸.

У Г. Кружкова образ Батюшкова связан с пробуждением от иллюзорного к подлинному бытию, обогащенному знанием трагического характера мироустройства:

Не я – к тебе, но ты ко мне вернулся –
сказать, что море зла безбрежное кругом,
что век наш – краткий миг,
что мир наш – скорбный дом...

...Чтоб я тебе поверил – и проснулся⁹.

С представлением об особой восприимчивости К. Батюшкова к хаотической стороне мира

связана, во-вторых, его трактовка как посредника между земным и запредельным, обреченного в силу своей роли медиума утрачивать и субъектность, и идентичность.

Воспоминание о Батюшкове в стихотворении Е. Шварц – повод осмыслить утрату власти над полнотой творческих сил и собственной исключительностью из бытия:

Казалась жизнь тесна,
А вот висит свободно,
Нет листьев у меня,
А ворон был мне брат.
О Батюшков, тебя, безумного, сегодня,
Разумная, тебя я вспомню, как помнит все вода.
Венера мне не сестр, а спицею холодной
На древо знания прищиплена звезда
Полярная – как ягоду, как яблок,
Я съем ее сегодня всю¹⁰.

Батюшков как герой потустороннего пространства – персонаж стихотворения Н. Кононова:

И мрачные загадки боли головной
на поводке коротком Турандот выводит
На зарево за городом глазеть.
Склони свой стебель, молодой трубач,
За ширмой горизонта, тебя никто не слышит,
цветик дорогой...
Там косит Батюшков густой болиголов,
табак-табак и коноплю с махоркой...¹¹

В еще одной интерпретации безумие Батюшкова рассматривается как знак обращенности к «иным просторам», вырывающим из земных связей и смыслов. В тексте Б. Рыжего судьба Батюшкова, воспринятого «телесно и ошутимо»¹², предстает как пример разрушительной работы поэзии:

Едва ль на свете есть печальнее судьба
– последняя всегда уныла –
друзей своих забыть, врагов, сойти с ума,
как это с Батюшковым было.
История, страна – всё страх и нищета.
«Лишь угли, прах и камень горы».
Так книга падает из рук – душа пуста.
Верней, иные зрит просторы¹³.

В тот же смысловой ряд можно поместить и стихотворение А. Таврова о Батюшкове:

Он ходит как бумажный человек
невыплаканный яблочный убитый¹⁴.

Возможность иносказательной интерпретации безумия присутствует и в других текстах «батюшковского мифа». К нему, в частности, имеют отношение несколько пассажей из романа А. Ильянена «И финн» (1997), где писательство сближено с юродством:

«Вспоминая рассуждаю же <...> и о таком пути: признании себя или не признание <...> сумасшедшим. <...> Да: Батюшкова уход в сумасшедшие – такой же подвиг. Как и любой другой. <...> Писать – добровольный акт безумия. Отречение от т. н. “ума” ради чего-то более высокого»¹⁵.

Переоценка известных деталей отличает и другие прозаические тексты, посвященные фигуре поэта. Типологически значимой является интерпретация Г. Шульпякова, предложившего взгляд на Батюшкова как на «русского Одиссея»:

«Один из первых странников от русской словесности, Константин Батюшков, первым вернулся из странствия – и первым не узнал отчизны. Его Одиссей, преодолев превратности судьбы, сидит на мокрых камнях родной гавани, но причал все так же пуст и никто не приходит навстречу»¹⁶.

Батюшков-странник, Батюшков – открыватель новых областей еще одна продуктивная возможность мифотворчества. С ней в посвященных поэту текстах связан мотив преждевременности художественного открытия. Характерно в этом отношении стихотворение В. Жука, в котором батюшковское посещение Англии проецируется на потерянность современного лирического субъекта:

А Батюшков стоит на корабле,
прощай, обманный берег Альбиона.
Ни разума, ни света, ни закона
в грядущей вологодской мгле.
<...>
Кому медовые ковриги.
Кому пудовые вериги.
А я?¹⁷

Открытие моря как эстетической реальности в русской поэзии связывает с К. Батюшковым А. Кушнер:

Кто первый море к нам в поэзию привел
И строки увлажнил туманом и волнами?
Я вижу, как его внимательно прочел
Курчавый ученик с блестящими глазами¹⁸.

Переоткрытие прошлого, в том числе поэтического, – один из самых продуктивных сценариев появления «нового» в современной литературе, и внимание к допушкинской эпохе, воспринимаемой как период, предшествующий оформлению системных связей русской литературы, вполне объяснимо. «Аналитическое» чтение в этом отношении столь же характерно, как и чтение «редактирующее». В уже цитированном эссе В. Шубинского есть показательная оценка: «Очень полезно, пока XVIII и XIX век “под паром” и инерция читательского восприятия отключена, поднять престиж допушкинского периода русской литературы»¹⁹. Это пребывание «под паром» объясняет еще один соотносимый с «батюшковским мифом» мотив, четвертый, – мотив смертности поэтического слова.

В лирике О. Юрьева есть стихотворение с батюшковским эпиграфом, мотивы которого представляют собой «амальгаму» из мотивов Г. Державина и К. Батюшкова. В нем «холод» российских реалий связывается с «осыпанием» поэтических записей, но «знобкие музы» способны преодолеть «оледенение», подарить надежду:

попросить у сонных мурз
сердцу вылечить озноб
пожелать у знобких муз
в спелом небе белый сноп белый сноп²⁰.

Та же логика возрождения в гибели, возвращения слова через молчание реализуется в еще

одном стихотворении с батюшковским эпиграфом – у А. Пурина:

Дремотное баюканье олив,
благотуханье рая...
Но Время, и богов испепелив,
течет, играя.

Субстанции властительнее нет,
неумолимей, неу-
ловимей! Твоему, поэт,
Оно сродни напеву²¹.

Не все варианты рецепции творчества К. Батюшкова связаны с описанными мотивами. В русской поэзии 1970-х – 2000-х годов есть и примеры текстов, в которых образ поэта выстраивается по иным моделям. Это стихотворения, посвященные К. Батюшкову, созданные О. Чухонцевым, Г. Айги, Л. Лосевым. Почти все они оказались рассмотрены критиками, но на некоторые значимые детали следует указать.

Стихотворение Г. Айги «Дом поэта в Вологде» (1966) строится на сопряжении конкретного («дом в Вологде») и универсального («дом поэта») через свидетельство-размышление современника: тексту предшествует цитата из стихотворения П. А. Вяземского, и портрет поэта строится как созданный световыми эффектами, возникающий в разрывах зримого:

а рядом – шелка окружение:
разорванного будто в смеси –
сияния его
и дрожи:
непрекращаемой: виска –
лицо меняющей
как в ветре –
в сиянии шелка – словно облика:
из праха! –
сущего:
всего²².

Лицо-«драгоценность», созданное «сиянием» и «дрожью», преподнесено как видение; контакт с ним истолкован как «эпифания», чудо. В других текстах Айги, посвященных историческим фигурам, точкой отсчета нередко оказывается конкретное биографическое событие. Если этот ход реализуется и здесь, можно предположить, что акцент на лице будет связан с какими-то биографическими свидетельствами. Несколько свидетельств, связанных с мотивом «лица без лица», приведены в книге Л. Н. Майкова. Самый характерный пример – выдержка из воспоминаний Н. Берга:

«Как ни вглядывался я, никакого следа безумия не находил на его <...> лице. <...> Это совершенная молния: переходы от спокойствия к беспокойству, от улыбки к суровому выражению чрезвычайно быстры. <...> В одну из <...> минут <...> мне пришло в голову срисовать его сзади. Я подумал: это будет Батюшков, без лица, обращенный к нам спиной...»²³

В той же книге на правах приложения приведена «Записка» доктора А. Дитриха, который упоминает о том, что Батюшков во время болезни прятал лицо: «Все сегодняшнее утро он провел

в своей комнате, пряча заплаканное лицо в подушки» (Майков: 338).

В качестве еще одного вероятного интертекстуального слоя можно указать на ряд текстов самого К. Батюшкова, разрабатывающих мотив «праха», и прежде всего стихотворение «К другу», в котором «прах» связан с мотивом «онемения»:

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает, –

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погасал,
И музы светлые сокрылись²⁴.

Два стихотворения О. Чухонцева о К. Батюшкове – «Батюшков» (1977) и «Я видел Батюшкова: нервный взгляд...» (1995) – прокомментированы А. Скворцовым. Характеризуя первое из них, критик усматривает его содержание в поэтологической полемике с А. Кушнером:

«Перед нами – скрытое поэтическое соревнование авторов-современников. <...> В первом случае <...> Кушнер утверждает <...> излюбленную мысль о вечном торжестве жизни <...> Во втором изображается жизненный путь поэта, для которого детали бытия перестают существовать» [16: 113].

Соглашаясь со всеми выявленными исследователем контекстами, считаем необходимым указать на еще один, «табачный», позволяющий уточнить смысл стихотворения О. Чухонцева:

Как табак доставал, да кальян набивал,
да колечки пускал в потолок.
На атласе курил, по шелку рассыпал
кучерявый со сна хохолок²⁵.

Этот «табачный» контекст, связанный с культурными коннотациями курения как медиативного занятия, появляется в письме К. Батюшкова к Н. Гнедичу от 9 августа 1809 года:

«Табак у ожидаю, как цветок росы; если можешь прислать турецкого, хорошего, лучшего, такого, что не стыдно курить в Магометовом раю, на лоне гурий: с аравийским ароматом, с алоем, шафраном, с анемонами, с ананасовым соком...»²⁶

«Воскурившийся» Батюшков О. Чухонцева – не просто отстраненный от мира эпикурец, но прежде всего человек «золотого века», в котором «табак, пересекая национальные границы, создавал новые культурные стереотипы, напряжение и взаимодействие между которыми отражалось в русской и западноевропейских литературах» [17: 330].

Последний знаковый текст этого периода, посвященный К. Батюшкову, – стихотворение Л. Лосева «Батюшков (Der russische Walzer)» из цикла «Выписки из русской поэзии» (1976–1979). Как и другие стихотворения цикла, оно варьирует мотивы гибельности письма, несвободы поэта. О многих важных для понимания этого стихотворения контекстах убедительно написала А. Сергеева-Клятис, однако ключ к его прочтению ею

все же не был найден. Между тем он существует и, как это бывает с текстами Л. Лосева, связан с конкретными фактами литературного быта [6].

Справедливо указывая, что в стихотворении К. Батюшкова «поэзия, как и искусство вообще, не в силах изменить мир», а спектакль, подготовленный декоратором Пьетро Гонзаго в зимнем парке, является метафорой бессилия искусства, исследовательница исходит из того, что «странное сближение» Гонзаго и Батюшкова – это условность, вызванная уравниванием «русского» и «зимнего» [13]. Между тем и «театральный», и «зимний», и «античный» коды стихотворения могут быть объяснены иначе.

В монографии В. Кошелева, посвященной биографии К. Батюшкова, упоминается о празднестве в Павловске по случаю возвращения из Франции Александра I. В рамках этого праздника была написана «сентиментальная аллегория» «Сцены четырех возрастов»²⁷, одним из авторов которой был и К. Батюшков, в письме к П. Вяземскому от 27 июля 1814 года выразивший неудовольствие по поводу навязанного соавторства:

«Дали мне программу, и по ней я принужден был называть стихи и прозу. <...> Пришел какой-то Корсаков, который примешал свое, пришел Державин, который примешал свое <...> – и изо всего вышла смесь, достойная нашего Парнаса, и вовсе не достойная ни торжественного дня, ни зрителя!» (цит. по: [8: 188–189]).

В письме А. Нелединского-Мелецкого к дочери, цитируемом далее, есть прямое упоминание о П. Гонзаго:

«При приближении императора будут петь мои куплеты, музыка Бортнянского. <...> Потом войдут в Розовый Павильон, по четырем сторонам которого будут четыре возраста <...>. Тут исполнены будут сцены, состоящие из пения и танцев. Музыка Кавоса и Антаноллини, декорации Гонзаго, костюмы русские. Проза и стихи этих сцен сочинены Батюшковым» (цит. по: [8: 189]).

Таким образом, «неожиданное сближение» Батюшкова и Гонзаго объясняется вовсе не широким контекстом Александровской эпохи, а пересечением поэта и художника в рамках одного конкретного литературно-музыкального проекта.

Нет сомнений, что в лосевском стихотворении «образ балета в морозном лесу – метафора русской культуры» [13], но и у этого образа есть конкретное объяснение. В батюшковском тексте «Вечер у Кантемира» «ледяной» код появляется в ситуации, когда русский поэт пытается убедить своих гостей в возможности европейской культуры в России. Более других упорствует в сомнениях Аббат В.:

«Как можно сеять науки там, где осенью серп земледельца пожинает редкие класы на бродях, потом его орошенных; где зимою от холоду чугун распадается и топор жидкости рубит?»²⁸

«Заполярный пейзаж» стихотворения, таким образом, – это увиденная скептиком батюшковская Гиперборея.

Вписывание Лосевым в русские «Сцены четырех возрастов» «Психей и Хлой» объясняется,

кажется, абсолютизацией античного кода К. Батюшковым, в цитированном выше письме избравшем с его помощью даже деревенскую сцену: «Я отворил окно и вижу: нимфа Ио ходит, голубушка, и мычит бог весть о чем; две Леды кричат немилосердно»²⁹.

Отсылкой к батюшковским текстам может быть объяснено и сближение у Л. Лосева «безумия» и «сна»:

Ах, не так ли и Батюшков наш
погружался в безумие спячки?³⁰

Трактовка сна как сугубо «поэтического» состояния может быть возведена к «Похвальному слову»:

«...сон есть признак великого духа и доброй души. Доброй души – ибо сонливый человек неспособен делать зла, которое требует великих усилий, беспокойства и беспрестанной деятельности. <...> ... сон есть стихия лучших поэтов»³¹.

Взаимосоотнесение «безумия» и «сна» может быть объяснено отсылкой к одному из последних стихотворений поэта:

Я просыпаюсь, чтобы заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.³²

Объяснить можно и немецкое название лосевского стихотворения, приведенное в скобках. «Вальцер» – сугубо немецкое изобретение, относимое историками танца к середине XVIII века; широкое распространение вальса связывается с эпохой Венского конгресса [4], что хронологически сопоставимо со «Сценами четырех возрастов». Отсылка к немецкому языку может быть объяснена не только указанием на генезис танца, но и воспоминанием о немецких эпизодах биографии К. Батюшкова, не исключая и немецкоязычные «Записки» доктора А. Дитриха.

«Русским» немецкий *Walzer* в стихотворении Л. Лосева делают, как представляется, историко-культурные коннотации танца в широком диапазоне от вальса А. Грибоедова до «Русского вальса» Д. Шостаковича [15], а также смыслы, закрепленные за танцевальностью в художественном мире поэта. О них в комментариях к «Опытам в стихах и прозе» написала И. М. Семенко:

«Танец, вернее, “плясовой напев” – одна из моделей батюшковского стиха. И в саму его мечту о прекрасном мире гармонии и счастья входило представление об античном ритуальном танце, как вечном хороводе “муз и граций”» [12: 455].

Название стихотворения Л. Лосева, таким образом, синтезирует разноплановые отсылки к эпохе, биографии и поэтической семантике лирики К. Батюшкова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая наблюдения, можно отметить несколько общих принципов художественной рецепции творчества К. Батюшкова в поэзии 1970-х – 2000-х годов: неразделимость биографического и текстуального, собственно батюшковских текстов и различных свидетельств о нем; синтетич-

ность биографического мифа, его ассоциативная открытость; опосредованность батюшковских стихотворений актуальным для поэта кругом литературных ассоциаций; стремление к репрезентативности аллюзии, к универсализации закрепленного за ней смысла; включение батюшковского

мотивного ряда в собственный образно-ассоциативный код. В новейшей поэтологии «русский Гельдерлин», таким образом, становится фигурой, важность которой определяется не только и не столько культурным мифом о «поэте-безумце», сколько значимостью феномена «другого канона».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в пост-историческую эпоху»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кобрин К. Человек, которому (не) повезло // Октябрь. 1995. № 2. С. 183.
- ² Шубинский В. Наше необщее вчера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2003/9/pashe-neobshhee-vchera.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ³ Шаламов В. Т. Четвертая Вологда // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Автобиографическая проза. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 51.
- ⁴ Кривулин В. Путешествие рядом с Батюшковым // Часы. 1981. № 34. С. 63–64.
- ⁵ Кушнер А. Заметки на полях стихотворений Батюшкова // Новый мир. 2006. № 9. С. 152–168.
- ⁶ Беляков А. Книга стихотворений. М.: ОГИ, 2001. 88 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/belyakov1.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁷ Метельков А. «Ночь-лисица съест луну...». Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/sib/2013/1/m16.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁸ Немировская Ю. Стихотворения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polutona.ru/printer.php3?address=1217003010> (дата обращения 20.08.2019).
- ⁹ Кружков Г. Кружащийся дервиш. Стихи // Знамя. 2014. № 9. С. 49–54.
- ¹⁰ Шварц Е. Западно-восточный ветер: Новые стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 96 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts2.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹¹ Кононов Н. Пароль. Зимний сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 45.
- ¹² Пурин А. Памяти Бориса Рыжего [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/memory.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹³ Рыжий Б. «Вырви из «Знамени» этот листок...». Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/ryzh.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁴ Тавров А. Буква на языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2015_3/Content/Publication6_1352/Default.aspx (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁵ Ильенен А. И финн. Тверь: KOLONNA Publications, 1997. С. 155–156.
- ¹⁶ Шульпяков Г. Странник печального образа [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nov_yun/1996/19/strannik-pechalnogo-obraza.html (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁷ Жук В. Как разумные мерины. Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1892> (дата обращения 20.08.2019).
- ¹⁸ Кушнер А. Заметки на полях стихотворений Батюшкова // Новый мир. 2006. № 9. С. 167.
- ¹⁹ Шубинский В. Наше необщее вчера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2003/9/pashe-neobshhee-vchera.html> (дата обращения 20.08.2019).
- ²⁰ Юрьев О. 2009: с марта по ноябрь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newkamera.de/jurjew/ourjew_20.html (дата обращения 20.08.2019).
- ²¹ Пурин А. Стихи с эпиграфами [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/5/stihi-s-epigrafami.html (дата обращения 20.08.2019).
- ²² Айги Г. Отмеченная зима. Париж: Синтаксис, 1982. С. 115.
- ²³ Майков Л. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887. С. 310–311.
- ²⁴ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 52.
- ²⁵ Чухонцев О. Из сих пределов. М.: ОГИ, 2005. С. 160.
- ²⁶ Батюшков К. Н. Письмо Гнедичу Н. И., 19 августа 1809 г. [Деревня] // Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. СПб.: П. Н. Батюшков, 1885–1887. Т. 3. 1886. С. 39–41.
- ²⁷ Батюшков К. Н., Нелединский-Мелецкий Ю. А., Вяземский П. А., Державин Г. Р., Корсаков П. А. Сцены четырех возрастов («Сбирайте цветочки...») // Батюшков К. Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 262–274.
- ²⁸ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 41.
- ²⁹ Батюшков К. Н. Письмо Гнедичу Н. И., 19 августа 1809 г. [Деревня] // Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. СПб.: П. Н. Батюшков, 1885–1887. Т. 3. 1886. С. 41.
- ³⁰ Лосев Л. Собранные Стихи. Проза. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 81.
- ³¹ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 134–135.
- ³² Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 323.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 352 с.
2. Богомолов Н. Батюшков, Гумилев, Мандельштам. Заметки к теме // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 104–118.
3. Гланц Т. Процессы канонизации в русской литературе конца XX-ого и начала XXI-ого веков // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. Р. 59–74.
4. Дегтярева Е. Ю. Вальс. История возникновения и современность // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2012. № 27 (1). С. 170–180.
5. Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–46.
6. Житенев А. «Петербургская поэма» Л. Лосева «Ружье»: проблема жанра // Творчество А. Т. Твардовского и эволюция русской поэмы. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 213–221.
7. Кошелев В. А. Батюшков в двадцатом столетии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/batyushkov/koshelev_2.htm (дата обращения 20.08.2019).

8. Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М.: Современник, 1987. 351 с.
9. Мегрелишвили Т. Русский литературный канон в зеркале современности // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 44. P. 35–48.
10. Пономарева М. Г. Рецепция образа К. Н. Батюшкова в лирике XX века // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*. 2014. № 2 (2). С. 268–271.
11. Рыбальченко Т. Жизнь канона в разных формах апелляции к русской классике современных русских писателей (стилизация, метатексты, деконструкция, римейк и пр.) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 44. P. 75–90.
12. Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 433–493.
13. Сергеева-Клятис А. «Звуки итальянские». К интерпретации стихотворения Льва Лосева «Батюшков» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lit.lsept.ru/article.php?ID=200304605> (дата обращения 20.08.2019).
14. Сергеева-Клятис А. М. Цветаева и К. Батюшков. К вопросу о творческом диалоге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/batyushkov/sergeeva.htm> (дата обращения 20.08.2019).
15. Сканава А. Вальс в русской культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/245341/vals-v-russkoi-kulture> (дата обращения 20.08.2019).
16. Скворцов А. Э. Стихотворение О. Чухонцева «Батюшков» (генезис, форма, жанр, подтексты) // *Ученые записки Казанского университета*. 2012. Т. 154. Кн. 2. С. 111–116.
17. Pilshchikov I. “Harlots, Wine and Chibouks”: Tobacco Smoking as a Cultural Signifier in the Age of Pushkin // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2017. Vol. 73. Issue 2. P. 285–330.

Поступила в редакцию 26.08.2019

Aleksandr A. Zhitenev, Doctor of Philology, Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)

MYTH ABOUT K. N. BATYUSHKOV IN RUSSIAN POETRY FROM BETWEEN THE 1970s AND THE 2000s*

In Russian poetry, the turn of the XXI century was a period when poetic text parameters were actively revised, while the interaction with the literary canon played an important role in the poetry-related discussions. The division of the XX century Russian literature into Soviet and emigrant, censored and uncensored ones has led to the occurrence of a number of classics alternative interpretations. Perception of K. Batyushkov is one of the most illustrative examples of this kind. This article examines the interaction options of the poets from between the 1970s and the 2000s with the Batyushkov myth. Summarizing the findings, several general principles of understanding the creative works of K. Batyushkov can be noted in Russian poetry: the inseparability of biographical evidence about the poet from his texts; mediation of understanding Batyushkov's creative works through a circle of literary associations relevant for a modern poet; and the inclusion of Batyushkov motif sequence in one's own aesthetic code. Four productive lines were established in the perception of Batyushkov's creative works: Batyushkov is seen as the prototype of the poet as such, he is regarded as a “borderline” figure, a mediator between the earthly and the transcendent; in some contexts, he is interpreted as a “travelling” poet; his “bordering” also refers to the motif of mortality and the “reincarnation” of the poetic word. Thus “Russian Hölderlin” becomes an important figure in the latest poetology, whose value is determined not only by the cultural myth of a “mad poet”, but also by the significance of the “other canon” phenomenon.

Keywords: K. Batyushkov, contemporary Russian poetry, reception, literary canon, poetology, myth

* The research was supported by the Russian Science Foundation as part of grant No 19-18-00205.

Cite this article as: Zhitenev A. A. Myth about K. N. Batyushkov in Russian poetry from between the 1970s and the 2000s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.384

REFERENCES

1. Bloom H. The anxiety of influence. A map of misreading. Ekaterinburg, 1998. 352 p. (In Russ.)
2. Bogomolov N. Batyushkov, Gumilyov, Mandelstam. Notes on the topic. *Bogomolov N. From Pushkin to Kibirov: Articles about Russian literature, mainly about poetry*. Moscow, 2004. P. 104–118. (In Russ.)
3. Glanc T. The processes of canonization in Russian literature of the late XX and the early XXI centuries. *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. No 44. P. 59–74. (In Russ.)
4. Degtyareva E. Yu. Waltz. History of origin and modernity. *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*. 2012. No 27 (1). P. 170–180. (In Russ.)
5. Dubin B. The idea of “classics” and its social functions. *Dubin B. Classics, then and here: sociological essays on literature and culture*. Moscow, 2010. P. 9–46. (In Russ.)
6. Zhitenev A. Losev's “Petersburg poem” *Shotgun*: the problem of the genre. *Creative works of A. T. Tvardovsky and the evolution of Russian poem*. Voronezh, 2008. P. 213–221. (In Russ.)
7. Koshelev V. A. Batyushkov in the twentieth century. Available at: https://www.booksite.ru/batyushkov/koshelev_2.htm (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
8. Koshelev V. A. Konstantin Batyushkov. Wanderings and passions. Moscow, 1987. 351 p. (In Russ.)
9. Megrelishvili T. Russian literary canon in the mirror of modernity. *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. No 44. P. 35–48. (In Russ.)
10. Ponomareva M. G. Reception of K. N. Batyushkov's image in the lyric poetry of the XX century. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014. No 2 (2). P. 268–271. (In Russ.)
11. Rybaltchenko T. Life of the canon in different forms of appeal of modern Russian writers to the Russian classics (stylization, metatexts, deconstruction, remake, etc.). *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. No 44. P. 75–90. (In Russ.)
12. Semenko I. M. Batyushkov and his “Essays”. *Batyushkov K. Essays in verse and prose*. Moscow, 1977. P. 433–493. (In Russ.)
13. Sergeeva-Klyatis A. “Sounds are Italian.” The interpretation of Lev Losev's poem “Batyushkov”. Available at: <http://lit.lsept.ru/article.php?ID=200304605> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
14. Sergeeva-Klyatis A. M. Tsvetaeva and K. Batyushkov. The question of a creative dialogue. Available at: <https://www.booksite.ru/batyushkov/sergeeva.htm> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
15. Scanava A. Waltz in Russian culture. Available at: <https://www.culture.ru/materials/245341/vals-v-russkoi-kulture> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
16. Skvortsov A. E. “Batyushkov” by O. Chukhontsev: genesis, verse form, genre, subtext. *Scientific Proceedings of Kazan University*. 2012. Vol. 154. Issue 2. P. 111–116. (In Russ.)
17. Pilshchikov I. “Harlots, wine and chibouks”: Tobacco smoking as a cultural signifier in the age of Pushkin. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2017. Vol. 73. Issue 2. P. 285–330.

Received: 26 August, 2019